

Автор - Виктория Кольцевая, Ровно (Украина).

* * *

Вначале были негативы слов,
рентгеновские пленки сочленений,
проявленный крупнозернистый слой
просвета под корундовой иглой,
записанный на ребрах и коленях
запретный искушающий мотив
задолго до всего, до первой ночи,
седьмого дня, учений подзамочных.

Вот, кажется, и весь аперитив.

И не с кем было пить и говорить.
В солоноватом воздухе пустыни
кипел санскрит и разводил иврит
очаг неугасимый на холстине,
кадящий по углам курной избы
в порядке исключения и чуда.
Один мотив навязчивый подспудно
вибрировал на кончике судьбы.

И вечер был, и было много дней,
и диск земной вращался как пластинка.
Состаришься, не веря, фарисей,
в тождественность запиленного снимка
и первого послания к тебе.
Еще нежней, чем губы на трубе.

* * *

В пустынный материк аэродрома,
на белые пленки повитух,
исчадия подземелий и погромов,
проросшие на ощупь и на слух,
мы выпали живьем, не выбирая
походку, темперамент и акцент.
Уверь меня, что глинопись мирская
троична в окаянном пришлеце,
что черное отчетливей на черном,
что горькое уймется без воды.
И знаки этих прописей нагорных
я тоже повторю на все лады.

* * *

Когда заголосит в надорванную просинь
петух или другой бессонный бузотер,
возлюбленный птенец, прекрасный как Иосиф,
проснется и уйдет от братьев и сестер.
За тридевять страниц за вычетом пролога,
на литографский слой песка у мыса Горн
где менее всего охота слыть пророком
и миру предвещать погоду и прокорм
и тучные стада и облачные перья.
Не сбудется, взойдет нагрудная звезда
у вечного жида и юного еврея,

виновного что ночь, и суша, и вода.

Стирается свинец в неистовых широтах
и черная волна выбрасывает соль.
Хоть пальцами читай, ощупывая что-то
и вещное как плоть, и вещь как боль,
и ветхое как пыль с подветренной страницы.
Вот так и пролистать, отряхивая год.
Но снова прокричит заезженная птица
и вечное перо продолжит оборот.

Олег Владимирович Пирсегерий

СП